

Б. П. ГОРОДЕЦКИЙ

ИЗУЧЕНИЕ БИОГРАФИИ ПУШКИНА В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

История изучения жизни и творчества Пушкина на всем протяжении XIX—начала XX века представляет собой историю острейшей, не прекращающейся борьбы вокруг Пушкина различных, порой прямо противоположных и резко враждебных друг другу лагерей русской общественной мысли.

Дворянские и буржуазные исследователи, изучая биографию великого поэта, собрали обширный фактический материал, но их идейная ограниченность и порочность методов исследования не позволили создать подлинно научную, соответствующую объективной исторической действительности концепцию жизни и творчества великого поэта.

Новый этап в изучении жизни и творчества Пушкина был положен Великой Октябрьской социалистической революцией. Советское литературоведение, вооруженное марксистско-ленинской методологией, продолжая и развивая исторически оправданные воззрения на Пушкина великих критиков—революционных демократов Белинского, Чернышевского, Добролюбова, а также используя значительный фактический материал, накопленный дореволюционным пушкиноведением, поставило своей задачей построение подлинно научной концепции всей жизни и творчества величайшего русского поэта. К осуществлению этой задачи наше литературоведение шло, преодолевая целый ряд ошибочных построений, по-новому осмысливая многие этапы биографии и творчества поэта.

Проблема научной биографии Пушкина рассматривается советской литературной наукой отнюдь не как сумма фактов, характеризующих ряд чисто внешних моментов личной жизни Пушкина, но как закономерное единство жизни и творчества

Пушкина в их развитии, обусловленном социально-общественными и культурными условиями и особенностями его эпохи и окружающей его действительности.

Созданию научной биографии Пушкина в условиях советской действительности в высокой степени способствует и исключительное богатство выявленных и освоенных наукой в советское время новых материалов о жизни и творчестве Пушкина и его эпохе. Обобщение этих материалов, частично уже систематизированных, открывает широкие возможности для написания подлинно научной биографии великого поэта.

Мы располагаем ныне богатейшими материалами, которые были недоступны исследователям в дореволюционный период. К ним относятся прежде всего ценнейшие документы государственных архивов царского правительства: архив III Отделения и его секретный фонд, делопроизводство следственной комиссии по делу декабристов, различные ведомственные архивы и пр. Использование в научных целях материалов архива III Отделения и департамента полиции до революции было делом почти невозможным. Это явственно отразилось на первом издании исследования П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина», вышедшем незадолго до революции.¹ Исключительное научное значение архивных материалов, ставших доступными для исследователей после революции, становится особенно ясным при сравнении первого издания названного труда П. Е. Щеголева с его третьим изданием, вышедшим в 1928 году.² Кроме реальной возможности использования в научных целях документов царских государственных архивов, огромное значение для осмысления этих новых материалов имело и освобождение от жестких ограничений дореволюционной цензуры. «... Новые материалы, — пишет П. Е. Щеголев в предисловии к 3-му изданию своей книги, — и новые возможности их разработки, созданные освобождением от цензурных и условных пут, побудили меня к пересмотру истории дуэли. Результатом пересмотра явился новый взгляд на возникновение дуэли и новое освещение темной роли Николая I в истории последних месяцев жизни Пушкина».

Возможность использования ценнейших материалов царских государственных архивов открылась для исследователей

¹ «Пушкин и его современники», вып. XXV—XXVII, 1916.

² П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы, изд. 3-е, прсм. и доп., Госиздат, М.—Л., 1928.

уже в конце 1917 — начале 1918 года.¹ Исключительно большое значение имеют и ставшие доступными материалы целого ряда частных собраний (Бартенева, Анненкова, Соболевского и других), а также семейных архивов (Гончаровых, Пушкиных, Воронцовых и других). Проведена громадная работа по изучению материалов этих архивов и по выявлению всего, что имеет какое-либо отношение к Пушкину и его окружению. Результаты этой работы привели к значительному расширению и обогащению наших представлений об общественных, дружеских и родственных связях Пушкина. Здесь следует назвать публикации: «Пушкин по документам архива М. П. Погодина»,² «Пушкин по документам архива С. А. Соболевского»,³ «Пушкин в переписке родственников», «Пушкин в неизданных письмах Вяземского к жене (1830—1838)»,⁴ «Из архива Гончаровых»,⁵ «Пушкин по новым документам архива Ушаковых»⁶ и целый ряд других публикаций.

Полностью к настоящему времени опубликован «Архив Опекы Пушкина»,⁷ включающий документы, разбитые по разделам: 1) Долги Пушкина, 2) Организация посмертного полного собрания сочинений Пушкина, 3) Дело по выкупу Михайловского и другим земельным владениям, 4) Об учреждении опеки, 5) О погребении Пушкина и т. д. Документы хозяйственного характера, опубликованные в этом издании, во многом уточняют и расширяют наши знания о личной жизни Пушкина и об обстоятельствах его семейной жизни. Характеризуя научное значение публикуемых документов, редактор издания П. С. Попов пишет: «...тяжелое впечатление оставляет изучение архива Опекы — того морального гнета, который накладывал на судьбу поэта Николай I... При чтении документов Опекы невольно ощущаешь гнетущее чувство, что Николай I мог счесть себя благодетелем Пушкиных, а Наталья Николаевна была принуждена называть Николая I „ангелом хранителем“, „посланником Божиим“ по черновику

¹ Б. Л. Модзалевский. Пушкин в донесениях агентов тайного надзора 1826—1830 гг. «Былое», 1918, № 1; А. А. Шилова. К биографии Пушкина. Секретное расследование 1826 г. «о поступках известного стихотворца Пушкина, подозреваемого в возбуждении крестьян к вольности». «Былое», 1918, № 2, и др.

^{2, 3, 4} «Литературное наследство», кн. 16—18, М. 1934.

⁵ Пушкин. «Летописи Государственного Литературного музея», кн. I, М., 1936.

⁶ «Литературный архив», т. I, Изд. Академии Наук СССР, Л., 1938.

⁷ Архив Опекы Пушкина. «Летописи Государственного Литературного музея», кн. 5, М., 1939.

письма, предложенному Жуковским, который готов был поставить жену поэта в унижительное положение, лишь бы достигнуть желаемого обеспечения семьи».¹

К этому же разряду документов семейного характера относятся и некоторые другие публикации: Хозяйственный архив А. С. Пушкина (по нижегородским владениям),² семейные бумаги рода Пушкиных,³ документы, касающиеся Михайловского,⁴ документы из личного архива Пушкина⁵ и пр.

Нам стал известен целый ряд весьма ценных воспоминаний о Пушкине его современников. Некоторые из них были опубликованы ранее лишь в извлечениях и полностью стали доступны только теперь. Отдельные воспоминания лишь после революции напечатаны впервые. Таковы ранее неизвестные воспоминания о Пушкине П. А. Катенина,⁶ впервые полностью опубликованные воспоминания сестры Пушкина О. С. Павлицевой,⁷ дополнения к ранее не полностью опубликованным воспоминаниям И. П. Липранди о Пушкине⁸ и пр.

Впервые опубликованы относящиеся к Пушкину интересные выдержки из дневников прапорщика Ф. Н. Лугинина⁹ и князя П. И. Долгорукова,¹⁰ проливающие новый свет на жишиневский период биографии Пушкина. «...Он всегда готов, — пишет П. И. Долгоруков, — у наместника, на улице, на площади, всякому на свете доказать, что тот подлец, кто не желает перемены правительства в России» (запись от 11 января 1822 года); и далее: «...полетели ругательства на все сословия. Штатские чиновники — подлецы и воры, генералы — скоты большею частию, один класс земледельцев — почтенной На дворян русских особенно нападал Пушкин. Их надобно всех повесить, а есть ли б это было, то он с удовольствием затягивал бы петли» (запись от 20 июля 1822 года). Также впервые опубликованы и некоторые материалы из бумаг «первого декабриста» В. Ф. Раевского, относящиеся к периоду пребывания Пушкина в Кишиневе.¹¹

¹ Архив Опеки Пушкина, 1939, стр. 4.

², ³, ⁴ Пушкин. «Летописи Государственного Литературного музея», кн. 1, М., 1936.

⁵ «Литературный архив», т. I, Изд. Академии Наук СССР, Л., 1938.

⁶ «Литературное наследство», кн. 16—18, М., 1934.

⁷ Пушкин. «Летописи Государственного Литературного музея», кн. 1, М., 1936.

⁸ Там же.

⁹ «Литературное наследство», кн. 16—18, М., 1934.

¹⁰ Полностью дневник не опубликован. Выдержки из него напечатаны в «Правде», 1936, № 340, 11 декабря («Ценный документ о Пушкине»).

¹¹ «Литературное наследство», кн. 16—18, М., 1934.

За советский период выявлено большое количество новых автографов Пушкина и даже целых его произведений, ранее не известных, в том числе такие значительные, как поэма «Монах» (1813), обнаруженная в беловом автографе в архиве кн. А. М. Горчакова, и поэма «Тень Фонвизина» (1815), найденная в лицейской копии среди документов Пушкинского лицейского музея, хранящихся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии Наук СССР.

Находка в 1917 году в б. имени Н. Н. Васильчикова при станции Лопасня Московской области двадцати двух тетрадей, содержащих собственноручные записи Пушкина, относящиеся к его работе над историей Петра I, дала возможность по-новому расценить его огромную и напряженную работу по написанию истории Петра I, которую он не успел завершить.

Найденные в 1925 году в библиотеке особняка кн. Юсуповых двадцать семь писем Пушкина к его приятельнице Е. М. Хитрово, дочери фельдмаршала М. И. Кутузова, позволяют полнее и вернее установить отношение Пушкина к таким значительнейшим событиям его времени, как июльская революция 1830 года во Франции и польское восстание 1830—1831 годов.

В дореволюционные годы было известно не более 600 писем Пушкина. Сейчас, в юбилейном академическом Полном собрании сочинений Пушкина напечатано более 800 его писем. Чрезвычайно обогатились наши представления и о переписке с Пушкиным его друзей, родных и современников. В названном юбилейном издании опубликовано около 600 писем к Пушкину.

Рукописи Пушкина, содержащие множество прямых и косвенных указаний на обстоятельства и факты его личной и творческой жизни, являются драгоценным источником для изучения биографии поэта. Справедливо замечание Д. Д. Благого о том, что «специальному обследованию должны быть подвергнуты все рукописные тетради Пушкина, представляющие собой род замечательного творческого дневника и с этой стороны совсем не изучавшиеся».¹ В этом отношении, например, примечательным является опыт П. Е. Щеголева по определению адресата пушкинского «Посвящения» поэмы «Полтава» («Тебе — но голос музы темной...»). В своей книге «Труды и дни Пушкина» Н. О. Лернер писал: «Кому посвящена „Полтава“ не известно, и нет возможности установить имя той, воспоминание о которой было „сокровище, святыня,

¹ «Литературное наследство», кн. 16—18, 1934, стр. 267.

любовь души“ поэта. Посвящению „Полтавы“ суждено остаться одним из таинственных, „недоуменных“ мест в биографии Пушкина.¹ Тщательное изучение процесса написания Пушкиным этого «Посвящения», путем всестороннего обследования черновых рукописей, дало возможность П. Е. Щеголеву высказать вероятное предположение, что «Полтава» посвящена М. Н. Раевской, в замужестве княгине Волконской. Вот к каким выводам привело исследователя изучение черновиков «Посвящения»: «... в 12 стихе Пушкин думал над эпитетом пустыни. Написав сначала „печальная“, он зачеркнул это слово и надписал „далекая“. В печатном тексте видим возвращение к первоначальной редакции.

Надо отметить последнее колебание между эпитетами: „печальная“ и „далекая“. Последний эпитет мог указывать на реальную действительность, и потому Пушкин от него отказался. Но кто же в это время из известных нам лиц и близких к Пушкину находился в далекой или печальной пустыне? Да Мария Николаевна Волконская, последовавшая в Сибирь за осужденным в каторгу мужем, а в 1828 году, когда писалось посвящение, проживающая под Читинским острогом, где сидел ее муж...

Вариант „далекая пустыня“ находится во второй редакции стихотворения, на листе 70... Но на 69 об. и 70 листах есть еще... и первоначальная редакция. Пушкин набрасывал эту редакцию в момент рождения самого замысла и, следовательно, не думал о том, какой вид получают стихи в печати. И вот тут мы видим уже совершенно определенный эпитет:

Сибири хладная пустыня.

Этот зачеркнутый вариант решает вопрос.²

Ценный и еще почти нетронутый материал для объяснения отдельных фактов биографии Пушкина может дать, и уже частично дает, тщательное и систематическое изучение рисунков на полях пушкинских рукописей. Изучение вопроса о характере пушкинских рисунков находится еще в самом зачаточном состоянии. Однако некоторые предварительные данные, добытые при обследовании ряда рисунков Пушкина периода декабрьского восстания, уже говорят о больших возможностях, которые могут открыться при дальнейшем углубленном и планомерном изучении пушкинской графики. «Распознавать людей и события в пушкинских зарисовках, — пишет исследо-

¹ Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина, изд. 2-е, СПб., 1910, стр. 179.

² П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина, изд. 3-е, ГИХЛ, М.—Л., 1931, стр. 234, 235.

ватель этого вопроса, — мы только начинаем. Постепенно его рисунки приобретают свою настоящую значимость: творческого авто-комментария. Теперь явно, что они — не прихоть, не „просто так“, не „вообще“, а такое же выражение мыслей, чувств и событий, как и его писания. Это — графический дневник Пушкина, который надо уметь читать, как уже научились читать невероятные черновики его стихов».¹ В свете всего этого, в частности, по-новому осмысливаются и приобретают особое значение неоднократные пушкинские зарисовки портретов П. И. Пестеля, К. Ф. Рылеева, И. И. Пущина, В. К. Кюхельбекера и других декабристов, — и себя самого среди них, — на полях некоторых строф «Евгения Онегина».

«Особенно знаменательно то, — пишет тот же исследователь, — *когда* сделаны обе серии профилей (тетрадь № 2370, л. 80 об. и л. 81 об. — Б. Г.). Они находятся на полях первых строф пятой главы „Онегина“. Есть пометка Пушкина, что пятая глава „Онегина“ начата 4 января 1826 года. Состояние рукописи показывает, что строфы V—X возникли без каких-либо задержек и отрывов от строф I—IV, — т. е. того же 4 января, или в один-два ближайших к нему дня. О петербургском восстании Пушкин узнал в Михайловском около 20 декабря 1825 г.; между этой датой и 4—5—6 января, когда были сделаны портретные наброски декабристов, прошло таким образом лишь две недели; еще только велись аресты, далеко не все были произведены, еще менее все были известны, а пуще имели возможность, средь общего придавленного молчания и осторожности, дойти до Пушкина, опально сидевшего в деревенской глуши. В особенности же ничего не мог он знать о судьбе, постигшей Пестеля. Пестель находился на юге, арест его был произведен в Линцах... 13 декабря 1825 г.; в Петербург он был доставлен и посажен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости 3 января 1826 г., то-есть за один-два дня до того, как в Михайловском он был дважды зарисован...».²

Особенно показательным и значительным во всех этих неоднократных и разновременных набросках Пушкина, относящихся к декабрьскому восстанию, является характер пушкинской интерпретации того или иного деятеля движения, последовательность пушкинских портретных зарисовок декабристов и, вне всякого сомнения, неоднократные зарисовки самого себя

¹ А. Эфрос. Декабристы в рисунках Пушкина. «Литературное наследство», кн. 16—18, 1934, стр. 923.

² Там же, стр. 927.

среди деятелей 14 декабря. Сопоставление всех этих данных свидетельствует о несравненно большей осведомленности Пушкина в происходивших событиях, чем это представлялось раньше, и в этом отношении предстоит еще большая работа по расшифровке и осмыслению всех многочисленных образцов замечательной пушкинской графика.

Дореволюционное пушкиноведение в плане изучения биографии Пушкина отправлялось почти всецело от его личного и литературного быта, тогда как советская наука о Пушкине отправляется от социального бытия Пушкина-художника, рассматривая жизнь и творчество Пушкина в их единстве на фоне общего процесса общественно-политического и культурного развития русского общества. И в этом отношении необходима самая непримиримая борьба со всякого рода космополитическими и буржуазно-объективистскими тенденциями, пытающимися оторвать Пушкина от конкретной русской действительности и сделать его только рупором идей западноевропейского просветительства.

В основу концепции научной биографии Пушкина должно быть положено учение Ленина о трех поколениях революционеров, действовавших в русской истории, и о трех этапах русского освободительного движения. Путь Пушкина — художника и общественного деятеля, непосредственно связанного с поколением дворянских революционеров и первым этапом освободительного движения, должен рассматриваться с учетом возможности дальнейшего развития его в направлении ко второму поколению деятелей русского освободительного движения, этой, по выражению Пушкина, «дружины ученых и писателей, какого б рода они ни были» (XI, 163), наиболее видным представителем которой еще при жизни Пушкина явился молодой Белинский, предшественник «полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении... еще при крепостном праве».¹

Обнаруженные советскими исследователями новые данные о лицейском периоде жизни Пушкина (архивы кн. А. М. Горчакова и М. М. Сперанского, бумаги В. Ф. Малиновского, Е. А. Энгельгардта, записи лекций лицейских профессоров, веденные А. М. Горчаковым, и проч.) вносят целый ряд уточнений в наши представления о Лицее и дают возможность расценить характер и особенности того «лицейского духа», о котором писал Булгарин в одном из своих доносов.² Изы-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 223.

² М. В. Нечкина. Пушкин и декабристы. 1949; Б. Мейлах. Пушкин и его эпоха. «Звезда», 1949, № 1—2, и др.

скания, связанные со «Священной артелью» И. Г. Бурцова, П. И. Колошина, А. Н. и М. Н. Муравьевых и С. М. Семёнова, с которой были связаны лицеисты, дают возможность уточнить характер вольнолюбивых традиций, воспринимавшихся лицеистами еще в Царском селе и позволивших Пушкину тотчас же по окончании Лицея стать одним из ведущих поэтов декабристского движения.

Советское пушкиноведение дает принципиально новую постановку вопроса об отношении Пушкина к движению декабристов. Изучение материалов Следственной комиссии по делу декабристов, а также ряда вновь обнаруженных документов, характеризующих взаимоотношения Пушкина с деятелями развивавшегося движения дворянских революционеров, позволяет более глубоко понять и расценить роль Пушкина в декабристском движении. Показательным в этом отношении является, например, то обстоятельство, что стихотворение Пушкина «Лицинию», которое, вне всякого сомнения, должно рассматриваться в качестве одного из наиболее ранних проявлений декабристской идеологии в русской поэзии, было уже напечатано в 1815 году, между тем как первое печатное произведение наиболее видного поэта декабристского движения — К. Ф. Рыльева («К Временщику») относится лишь к 1820 году.

Выявленные за советский период новые данные позволяют говорить о более глубоких и непосредственных связях Пушкина с деятелями декабристского движения. В свете этих данных по-новому осмысливается деятельность «Зеленой лампы» — одного из ответвлений Союза благоденствия, находившегося под непосредственным (хотя и незаметным для рядовых членов этого литературного содружества) руководством ряда виднейших членов Тайного общества. По-новому освещаются и обстоятельства высылки Пушкина из Петербурга в мае 1820 года. В свете новых данных ссылку Пушкина на юг следует рассматривать как непосредственную реакцию самодержавия на развивавшееся движение дворянских революционеров.

Несмотря на то, что Пушкин формально не принадлежал к Тайному обществу, он близко и непосредственно общался почти со всеми его руководящими деятелями. О своей непосредственной близости к декабристскому движению Пушкин прямо и недвусмысленно сказал и в «Арионе»:

Нас было много на челне —

и точно определил свою роль в движении:

Пловцам я пел...

В окончательно расшифрованных лишь в советский период отрывках из X главы «Евгения Онегина» Пушкин дает обобщенную картину движения дворянских революционеров, включая в нее и самого себя, читающего свои нозли в кругу декабристов. Более ясными становятся также и обстоятельства южной ссылки Пушкина и характер его общения с рядом виднейших деятелей и руководителей Южного тайного общества. Такие вновь обнаруженные документы, относящиеся к данному периоду, как отмеченные выше дневники кн. П. И. Долгорукова и прапорщика Ф. Н. Лугинина, свидетельствуют об исключительном радикализме политических взглядов Пушкина 1820—1821 годов и о большой и нарочитой резкости его устных суждений по общественно-политическим вопросам в эти годы.

Повидимому, мы еще не располагаем достаточными данными о всех деталях и характере общения Пушкина с деятелями декабристского движения. Дошедшие до нас свидетельства об этом полны неясных мест, противоречий, обиняков, а то и просто умолчаний. В этом отношении особенный смысл приобретает признание самого Пушкина, относящееся к 30-м годам, когда уже были известны все основные стороны заговора и все жертвы движения: «... в 1821 году начал я свою биографию, и несколько лет сряду занимался ею. В конце 1825 года, при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь сии записки. Они могли замешать многие имена и может быть умножить число жертв. Не могу не сожалеть о их потере; я в них говорил о людях, которые ныне сделались историческими лицами, с откровенностью дружбы или короткого знакомства».¹

Между тем резкое изменение к 1823—1824 годам общеевропейской политической ситуации (поражение испанской революции в 1823 году и др.), с одной стороны, и усиление реакции во внутренней политике Александра I, с другой, вносили новые черты в процесс мировоззренческого развития Пушкина. Известного рода переоценка эффективности и самой возможности тактики вооруженного восстания, осуществляемого во имя народа, но без его участия, была в этот период характерна не только для Пушкина, но и для ряда виднейших деятелей движения и близких к нему лиц (П. И. Пестель, А. С. Грибоедов).

В отличие от дореволюционного литературоведения, ограничивавшего изучение общественно-политических процессов

¹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XII, Изд. Академии Наук СССР, 1949, стр. 310, 432. — В дальнейшем цитируется это издание.

русской жизни первой четверти XIX века лишь рамками декабристского движения, советское литературоведение включает в сферу своего изучения глубокие процессы стихийного и неорганизованного антикрепостнического движения широчайших народных масс (крестьянских и солдатских), начинавшего особенно интенсивно развиваться в период после окончания Отечественной войны 1812 года. Это закономерно приводит к необходимости новой постановки проблемы мировоззренческого и художественного развития Пушкина периода его южной ссылки. Именно с этого периода в пушкинском творчестве начинают давать себя знать (и чем дальше, тем сильнее) общественно-политические тенденции, несравненно более глубокие, чем тенденции дворянской революционности.

Если еще в 1820 году Пушкин призывал своих петербургских друзей «нюхать гишпанского табаку и чихать громче» (XIII, 21), т. е. следовать примеру испанской революционной армии, возглавленной Риуго и Квиругой, а в 1821 году называл члена Союза благоденствия П. С. Пущина «грядущим нашим Квиругой», то уже в 1823 году он пишет свое известное «подражание басне умеренного демократа Иисуса Христа» (XIII, 79) — «Свободы сеятель пустынный...», а в 1824 году — «Недвижный страж дремал...», стихотворение, содержащее острую характеристику неполноценности и недостаточности в изменившихся новых условиях деятельности «зжидателей свободы».

Известно, что строки стихотворения «Свободы сеятель пустынный»:

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич—

иногда использовались в качестве доказательства «поправения» Пушкина еще в период его южной ссылки, его явного отхода от политических идеалов декабристского движения. Между тем эти гневные и бичующие строки говорят как раз об обратном — о горячей любви Пушкина к своему народу. В этом отношении далеко не лишним будет вспомнить о замечательных словах В. И. Ленина по поводу одного горького суждения Н. Г. Чернышевского о народе, почти аналогичного пушкинскому:

«Мы помним, — пишет В. И. Ленин, — как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою

жизнь делу революции, сказал: „жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы“. Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было. Теперь ее мало, но она уже есть».¹

В связи с определившимися новыми взглядами Пушкина на сущность освободительных движений и на роль в этих движениях как самого народа, так и «зиждителей свободы», не опиравшихся в своей революционной деятельности на народные массы, во весь рост вставал перед Пушкиным в этот период образ народа как подлинного творца истории.

Ряд новых данных позволяет сделать некоторые предположения и о последующем отношении Пушкина к движению декабристов в период михайловской ссылки. Повидимому, Пушкин был осведомлен о некоторых деталях заговора и в этом отношении, может быть, является не случайным и приезд И. И. Пущина в Михайловское в январе 1825 года. Возможно, что незадолго до самого восстания Пушкин получил какое-то не дошедшее до нас и уничтоженное им самим письмо от И. И. Пущина.

В связи со всем этим значительный интерес приобретает, во многом загадочный до сих пор, эпизод несостоявшейся поездки Пушкина из Михайловского в Петербург в декабре 1825 года. Декабрист Н. И. Лорер в той части своих записок, которая опубликована в послереволюционные годы, об этой поездке рассказывает, со слов брата поэта, Л. С. Пушкина, так: «Александр Сергеевич был уже удален из Петербурга и жил в деревне родовой своей — Михайловском. Однажды он получает от Пущина из Москвы письмо, в котором сей последний извещает Пушкина, что едет в Петербург и очень бы желал увидеться там с Александром Сергеевичем. Недолго думая, пылкий поэт мигом собрался и поскакал в столицу».²

Как известно, поездка эта не состоялась, и Пушкин, проехав немного, возвратился обратно в Михайловское. О планах Пушкина в связи с этой несостоявшейся поездкой в Петербург С. А. Соболевский, со слов самого Пушкина, рассказывал

¹ В. И. Ленин. О национальной гордости великороссов. Сочинения, т. 21, стр. 85. — Ленин приводит цитату из романа Чернышевского «Пролог» (см.: Н. Г. Чернышевский. Избранные сочинения, т. V, 1932, стр. 488).

² Записки декабриста Н. И. Лорера. Соцэжиз, М., 1931, стр. 199.

впоследствии так: «В гостинице остановиться нельзя — требуют паспорта; у великосветских друзей тоже опасно — огласится тайный приезд ссыльного. Он «Пушкин» положил захватить сперва на квартиру к Рылееву, который вел жизнь не светскую, и от него заpastись сведениями».¹

Показательно, что Лорер говорит о вызове Пушкина в Петербург декабристом Пушиным, а Соболевский передает о намерении Пушкина остановиться в Петербурге у декабриста Рылеева. Повидимому, это совпадение не случайно.

Коренному пересмотру подвергнут сложнейший вопрос об этапах биографии Пушкина и о его социально-политических позициях после разгрома движения декабристов.

В этом отношении исключительно большое значение приобретают указания В. И. Ленина о том, что «период дворянский» отнюдь не завершился 1825 годом, а, примерно, лишь начинался этим временем и продолжался вплоть до 1861 года.

В недрах «дворянского» периода намечались условия и возможности чрезвычайно сложных и в то же время глубоко знаменательных процессов личной эволюции того или иного деятеля, связанного с классом дворян и помещиков. Путь Герцена, которого В. И. Ленин рассматривал в качестве одного из самых выдающихся деятелей дворянского периода, в этом отношении чрезвычайно показателен.

Особенная трудность изучения русской действительности этого времени заключается в том, что Николай I и его правительство приняли все зависящие от них меры, чтобы подавить в русском обществе какие бы то ни было проявления политического протеста. «Моровая полоса, — писал об этом времени Герцен, — идущая от 1825 до 1855 года, скоро совсем задвинется; человеческие следы, замеченные полицией, пропадут, и будущие поколения не раз останутся с недоумением перед гладко убитым пустырем, отыскивая пропавшие пути мысли, которая в *сущности* не прерывалась. Повидимому, поток был остановлен, Николай перевязал артерию, но кровь переливалась проселочными тропинками».²

Освобождению Пушкина из ссылки предшествовала данная им подписка о том, что он обязуется «впредь ни к каким тайным обществам, под каким бы они именем ни существовали, не принадлежать» (XIII, 284). По поводу обязательств такого рода А. Н. Вульф писал в своем дневнике, что «людей,

¹ «Русский архив», 1870, стб. 1386.

² А. И. Герцен. Былое и думы. Полное собрание сочинений и писем, т. XIII, 1919, стр. 27—28.

которые решаются ниспровергнуть правительство, по какой бы то ни было причине, удержит ли такое обязательство?»¹

Однако, подписывая обязательство такого рода, Пушкин не делал над собой насилия и ничем не поступался в своих убеждениях. Беседа с Николаем I по возвращении Пушкина в Москву в 1826 году, даже если дошедшие о ней сведения и соответствуют действительности, не противоречит сказанному. Пушкин, несомненно, был бы на площади Сената из чувства дружества и чести, потому что там были все его «братья, друзья, товарищи». Но все развитие исторических, социальных и политических взглядов Пушкина приводило его к убеждению в бесполезности тайных заговоров, не основывающих своей деятельностью на широком народном движении. Тяжелые жертвы, понесенные на площади 14 декабря, лишь укрепляли его в этом убеждении.

Возвращение Пушкина в Москву было воспринято как триумф поэта. «Завидую Москве, — писал Пушкину В. В. Измайлов. — Она короновала императора, теперь коронует поэта» (XIII, 297). «Сочинений ваших, — писал Пушкину Бенкендорф, — никто рассматривать не будет; на них нет никакой цензуры. . .» (XIII, 298). Пушкин, на первых порах, воспринимал эти слова как гарантию свободы поэта. Это продолжалось, однако, недолго.

Письмо Бенкендорфа от 22 ноября 1826 года отнимало у Пушкина право читать кому бы то ни было новые произведения без предварительной цензуры царя. В конце 1826 года Бенкендорф в отзыве о пушкинской записке «О народном воспитании» четко определил — от имени царя — идеологические границы как творчества, так и всей деятельности Пушкина: «... принятое Вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее Вас самих на край пропасти. . .» (XIII, 315). На этот отзыв Пушкин откликнулся в конце 1827 года в неожиданном контексте стихотворения «Друзьям», где в строфе, передающей советы «лукавого льстеца» царю, почти дословно изложено содержание приведенного выше отзыва Бенкендорфа о вреде просвещения:

Он скажет: просвещенья плод —
Разврат и некий дух мятежный!

Фактическое запрещение «Бориса Годунова» и политические выводы, сделанные царем и Бенкендорфом из пушкинской

¹ «Пушкин и его современники», вып. XXI—XXII, 1915, стр. 2.

записки «О народном воспитании», положили предел каким бы то ни было иллюзиям.

В связи с поездкой Пушкина в действующую армию в 1829 году, «Северная пчела», несомненно по инициативе III Отделения, неоднократно и довольно прозрачно намекала Пушкину о том, что от него ожидают произведений, которые воспевали бы военные действия Николая I. Пушкин прекрасно понимал, чего от него требовали. Незначительное количество небольших и случайных по своей тематике стихотворений, опубликованных им в связи с этой поездкой, — таков был его ответ на произведенное давление.

С разгромом декабризма освободительное движение не приостановилось, а продолжало расти и углубляться. Дело декабристов продолжали и Герцен, и Огарев, и Белинский, и братья Критские, и Сунгуров, и многие другие, не оставившие своего имени в истории.

Жестокие разочарования выпали на долю этого поколения, громадные трудности встали на его пути. Полежаев был отдан в солдаты, Белинский и Лермонтов исключены из университета, арестованы Герцен и Огарев, разгромлен и сослан кружок Сунгурова.

«После декабристов, — писал Герцен, — все попытки основывать общества не удавались, действительно; бедность сил, неясность целей указывали на необходимость другой работы, — предварительной, внутренней».¹

«Порой великих разочарований» назвал это время Чаадаев в письме к Пушкину и признавался, что даже самый почерк последнего напоминал ему «время, которое, правда, немного стоило, но все же было не лишено надежд» (Пушкин, XIV, 225, 437). Возобновившееся на рубеже 30-х годов общение с Чаадаевым напоминало и самому Пушкину время, которое «было не лишено надежд». Но и Чаадаев и Пушкин видели невозможность искусственной гальванизации старых надежд в той форме, какая была для них естественной в начале 20-х годов.

И Чаадаев и Пушкин, каждый в соответствии со своими идеологическими традициями, искали новых путей духовной жизни и деятельности, которые могли бы обеспечить в новое время сохранение преемственности со старым и намечали бы перспективы движения к будущему. В этом отношении Чаадаев возлагал большие надежды на Пушкина, не совсем,

¹ А. И. Герцен. Былое и думы. Полное собрание сочинений и писем, т. XII, 1919, стр. 135.

однако, понимая особенности позиций последнего в новое время.

События во Франции приковывали всеобщее внимание. Молодое поколение Герцена—Огарева воспринимало их в аспекте революционной романтики. В ореоле романтики революции воспринимал эти события и шестнадцатилетний Лермонтов.

Далеко не таким было отношение к этим событиям со стороны Пушкина.

После окончательного закрепления победы французской буржуазии явной и очевидной становилась буржуазная сторона нового порядка во Франции. Все более и более отчетливо выявлявшийся буржуазный характер новой западноевропейской демократии, бесчеловечной в своем открытом цинизме эксплуатации и накопления, вызывал резко отрицательное отношение к себе со стороны Пушкина.

Все эти события, так же как и напряженная обстановка в самой России, неизбежно приводили Пушкина к необходимости переоценки целого ряда положений, казавшихся незыблемыми ранее и обнаруживших свою несостоятельность в новых условиях. Так, борьба с абсолютизмом, которая совсем еще недавно заставляла передовых представителей дворянской интеллигенции идти на жертвенный подвиг во имя народа, — в обстановке 30-х годов приводила в Европе к победе крупной буржуазии и к неограниченной власти нового хозяина жизни — «аристократии богатств»: «С изумлением увидели, — писал Пушкин, — демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к дольству...» (XII, 104).

Между тем и сама Россия начинала быстро двигаться по пути капиталистического развития. Ярким свидетельством возникновения и стремительного развития новых общественных отношений и складывавшихся на их основе новых характеров и типов являлась трактовка их в русской литературе 30-х годов. Таков Герман в «Пиковой даме» (1833) — «человек без нравственных правил и без веры», с профилем Наполеона и душой Мефистофеля, идущий на все ради достижения одной цели в жизни — денег, богатства. Характерен для этого времени и план обогащения, осуществляемый Чичиковым, путем превращения в меновую стоимость «неосязаемого чувством звука», по его выражению, т. е. имен давно умерших крестьян, скупаемых им у разоряющихся помещиков.

Исключительно сложной в период 30-х годов была и система пушкинских воззрений на крестьянство. При этом следует подчеркнуть, что характер попыток разрешения Пушкиным проблемы крестьянства в 30-е годы во многом был обусловлен особенностями данного периода исторического развития России. Характеризуя крепостную эпоху (1827—1846), В. И. Ленин писал: «Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бесильных без поддержки народа».¹

Связывая движение Пугачева с предшествовавшим движением Разина и с последовавшими крестьянскими волнениями 1830—1831 годов и устанавливая историческую закономерность всех этих движений, свидетельствовавших о коренном несоответствии существующего строя основным жизненным интересам народа, Пушкин вместе с тем видел и определенную закономерность в том, что все без исключения попытки крестьянства бороться за свое освобождение неизменно завершались тяжелым его поражением.

В этом отношении глубоко знаменательны суждения В. И. Ленина о характере и закономерности эволюции Герцена: «Он (Герцен, — Б. Г.) покинул Россию в 1847 г., он не видел революционного народа и не мог верить в него. Отсюда его либеральная апелляция к „верхам“». И далее: «Не вина Герцена, а беда его, что он не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах. Когда он увидел его в 60-х — он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма».²

Непосредственно к этому кругу проблем в системе пушкинских социальных воззрений и исканий 30-х годов примыкала и проблема дворянства, в той ее специфической трактовке, какая была характерна для Пушкина этого периода. Уже в самой трактовке этой проблемы содержался несомненный оппозиционный момент по отношению и к новой придворной «аристократии», и к «аристократии богатств», и к самой монархии Николая I.

Ценнейшие данные для понимания особенностей общественного положения Пушкина в 30-е годы и изучения его жизни и творчества в этот период дает дневник Пушкина 1833—1835 годов. Этот дневник в его полном виде не был известен дореволюционным исследователям и публиковался лишь в отрывках. Подлинная рукопись пушкинского дневника лишь

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 294—295.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 12, 14.

в 1921 году была передана внуком поэта А. А. Пушкиным в Б. Румянцевский музей и полностью опубликована в 1923 году.

Самому решительному и коренному пересмотру подверглась за советские годы традиционная для дореволюционного пушкиноведения оценка круга сложнейших проблем, связанных с дуэлью и смертью Пушкина. Изучение недоступных для дореволюционной литературной науки материалов и документов государственных и частных архивов заставляет говорить о гибели Пушкина не как о семейной драме, но как о глубокой социально-политической трагедии. Еще далеко не все стороны этой трагедии изучены с достаточной полнотой, но зловещая роль Николая I в гибели Пушкина становится все более очевидной.

Тщательное и систематическое изучение ряда документов и материалов этого порядка вносит много нового в наши представления о последнем периоде жизни Пушкина и говорит о том, что почва, на которой возникла и развилась последняя трагедия Пушкина, приведшая его к гибели, подготавливалась исподволь и что одним из серьезных моментов, во многом обусловивших развертывание дальнейших событий в определенном направлении, явилось начавшееся с лета 1831 года вынужденное общение Пушкина с царским двором и придворными кругами.

Пушкины переехали из Москвы в Царское село 25 мая 1831 года, а уже 13 июля этого же года Н. Н. Пушкина в письме к своему деду А. Н. Гончарову писала: «Я не могу спокойно прогуливаться по саду, так как узнала от одной из фрейлин, что их величества желали узнать час, в который я гуляю, чтобы меня встретить. Поэтому я и выбираю самые уединенные места».

В том же письме Н. Н. Пушкина рассказывала уже и о том, что одной из придворных дам, княгине Н. В. Кочубей, было поручено передать ей, «что ее величество желает меня видеть». Уже и тогда Н. Н. Пушкина почувствовала неудобство того, что представляться она должна будет одна, так как сам Пушкин в то время еще не имел придворного звания: «Я выразила княгине свое смущение, как мне явиться ко двору одной...».¹

Логическим следствием всего этого и явилась запись в дневнике Пушкина от 1 января 1834 года: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры — (что довольно неприлично моим ле-

¹ Пушкин. «Летопись Государственного Литературного музея», кн. 1, М., 1936, стр. 415. Подлинник на французском языке.

там). Но двору хотелось, чтобы Н.<аталья> Н.<иколаевна> танцевала в Аничкове». 17 января Пушкин записывает: «Гос.<ударь> мне о моем камер-юнкерстве не говорил, а я не благодарил его». А уже 10 мая этого же года, в связи с распечатанным полицией на Московской почте письмом Пушкина к жене, Пушкин с горечью писал: «Г.<осударю> неужодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностию. — Но я могу быть подданным, даже рабом, — но холопом и шутком не буду и у царя небесного». Придворную среду, в которой вынужден был теперь возвращаться Пушкин, и ее нравы сам Пушкин в этой же дневниковой записи характеризовал так: «Однако, какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю. . . , и царь не стыдится в том признаться — и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина!» (XII, 318, 319, 329). Стараясь определить гарантии своей личной независимости в условиях конца 20-х — начала 30-х годов, Вяземский писал А. И. Тургеневу 1 марта 1829 года: «Чтобы не быть вне закона, то есть не давать на себя права каждому прохожему кидать в меня на улице камнями, как в бешеную собаку, я даже предал на произвол обязать меня службою, какою хотят. . . Кто-то мне говорил: лучшее средство быть свободным под Самовластием есть служить Самовластии».¹

Однако то, что было возможным для Вяземского этих лет, оказалось невозможным для Пушкина. Уже в середине 1834 года он пришел к выводу: «я не должен был вступать в службу» (XV, 156). Ощущение духоты окружавшей его среды приводило Пушкина к одному, наиболее характерному для этих лет желанию: «Ух кабы мне удрать на чистый воздух» (XV, 159).

Посетивший Пушкина в том же году А. Н. Вульф записал в своем дневнике: «Самого. . . поэта я нашел. . . сильно негодующим на царя за то, что он одел его в мундир, его, написавшего теперь повествование о бунте Пугачева. . . Он говорит, что он возвращается к оппозиции. . .». Подвергая сомнению возможность последнего для Пушкина, Вульф заметил, что «это едва ли не слишком поздно; к тому же ее <оппозиции> у нас нет, разве только в молодежи».² Однако А. Н. Вульф слишком упрощенно понял слова Пушкина, которые, конечно, соответствовали действительности. Оппозиции, в форме тайных

¹ Архив братьев Тургеневых, вып. 6, 1921, стр. 74.

² Л. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 208.

обществ, какая существовала во времена декабристов, в 30-е годы, конечно, быть не могло, да Пушкин и не прикнул бы к ней, ибо путь заговоров давно уже перестал для него существовать. Пушкин имел в виду оппозицию иного рода, определяющуюся глубочайшим чувством отчуждения от среды, в которой он принужден был находиться. Оппозиция такого рода была характерной для подавляющего большинства передовых людей эпохи и проявлялась в самых разнообразных формах.

«В продолжении десяти лет, — писал Герцен о периоде 1826—1836 годов, — умственная деятельность не могла обнаружиться ни одним словом. . .

Иные отказались от своих богатств. . . и отправились на чужбину искать себе рассеяния; другие, неспособные переносить духоту петербургского воздуха, закопали себя в деревнях».¹

И то, и другое было выражением оппозиции, в формах, допускавшихся временем. «Дай бог тебя мне увидеть здоровою. . . , — писал Пушкин жене 18 мая 1834 года, — да плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино. . . » (XV, 150). Как известно, и этот выход для Пушкина был заказан.

Об этой скрытой оппозиционности Пушкина прямо и недвусмысленно говорил такой злейший враг поэта, как шеф жандармов Бенкендорф, не прекращавший тайной слежки за каждым словом и движением Пушкина до самой его смерти. В своем «Отчете о действиях корпуса жандармов» за 1837 год Бенкендорф докладывал Николаю I: «В начале сего года умер, от полученной на поединке раны, знаменитый наш стихотворец Пушкин. — Пушкин соединял в себе два отдельных существа: он был великий поэт и великий либерал, ненавистник всякой власти. — Осыпанный благодеяниями государя, он однако же до самого конца жизни не изменился в своих правилах, а только в последние годы стал осторожнее в изъявлении оных».²

Целый ряд обнаруженных в послереволюционный период новых материалов и документов, ставших достоянием науки, все более и более проясняет зловещую роль, какую сыграл в последней трагедии Пушкина Николай I. К числу докумен-

¹ А. И. Герцен. Русский народ и социализм. Полное собрание сочинений и писем, т. VI, 1919, стр. 460.

² П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина. Изд. 3-е, М.—Л., 1931, стр. 148.

тов такого рода следует отнести и обнаруженную П. Е. Щеголевым интереснейшую запись в камер-фурьерском журнале о состоявшемся тайном свидании Николая I, Бенкендорфа и Пушкина днем 23 ноября 1836 года, вскоре после получения Пушкиным и его знакомыми анонимных писем. «У нас не было никакого представления, — пишет по этому поводу П. Е. Щеголев, — об этом свидании в неурочное время поэта с царем в присутствии шефа жандармов. Никто из трех лиц, беседовавших в 4-м часу дня 23 ноября 1836 года в царском кабинете, в Зимнем дворце, не проговорился ни одним словом об этом свидании, и если бы беспристрастный камер-фурьер не записал о нем в свой журнал, тайна свидания сохронена была бы на век». «Во всяком случае, — делает вывод П. Е. Щеголев, — беседа втроем была чрезвычайно интимна, и никто из присутствовавших не проронил о ней ни слова. Но с полной уверенностью можно теперь утверждать, что Николай не был неосведомленным относительно происходившего: наоборот, он знал о деле Пушкина больше, чем его друзья, Жуковский и Вяземский».¹

Заслуживают внимания при изучении последнего периода жизни Пушкина и многочисленные отклики на его смерть со стороны иностранных дипломатов, аккредитованных при императорском дворе в Петербурге.

Вюртембергский посол в Петербурге кн. Гогенлоэ-Кирхберг доносил своему правительству 9/21 февраля 1837 года: «... Пушкин попрежнему оплакивается своими многочисленными друзьями, и по этому грустному поводу глаз стороннего наблюдателя мог убедиться еще раз, насколько сильна и могущественна чисто русская партия, к которой принадлежал Пушкин».² Он же в специальной заметке о Пушкине писал: «Пушкин, представитель слишком передовых для строя своей родины взглядов, был на разные лады судим своими соотечественниками, чему следует приписать эту разницу в чувствах к человеку, жизнь которого всегда была общественною... Пушкину не трудно было возбудить против себя недовольство власти, ибо дух и направление его произведений давали слишком много поводов для доносов врагов. Вот настоящие причины того недоброжелательства, которое известная часть дворянства (особенно та, которая занимала видные посты в госу-

¹ П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина, изд. 3-е, М.—Л., 1931, стр. 145, 146.

² П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3-е, М.—Л., 1928, стр. 389.

дарстве) питала к Пушкину при его жизни и которое отнюдь не исчезло с его смертью».¹

Германский дипломат Либерман доносил своему правительству: «... я знаю положительно, что под предлогом пылкого патриотизма в последние дни в С.-Петербурге произносятся самые странные речи, утверждающие между прочим, что г. Пушкин был чуть не единственною опорой, единственным представителем народной вольности, и проч. и проч., и меня уверяли, что офицер, одетый в военную форму, произносил речь в этом смысле, посреди толпы людей, собравшихся вокруг тела покойного в доме, где он скончался».² Сам Геккерен писал барону Верстолку 2/14 февраля: «Смерть г. Пушкина открыла, по крайней мере, власти существование целой партии, главой которой он был, может быть, исключительно благодаря своему таланту, в высшей степени народному. Эту партию можно назвать реформаторской: этим названием пользуются сами ее члены. Если вспомнить, что Пушкин был замешан в событиях, предшествовавших 1825 году, то можно заключить, что такое предположение не лишено оснований».³ М. Г. Франш-Денери в письме к герцогу де Блака от 28 февраля 1837 года писал из Берлина: «Я имел честь сообщить Вам недавно о несчастной дуэли между г. Дантесом и поэтом Пушкиным; последний находился во главе русской молодежи и возбуждал ее к революционному движению, которое ощущается повсюду, с одного конца земли до другого».⁴

Изучение жизни и творчества Пушкина развивается в наше время такими темпами, что даже изданные в сравнительно недавнее время биографические труды о Пушкине в настоящее время требуют значительных уточнений и дополнений.

Современное состояние изучения всех доступных нам материалов о Пушкине обеспечивает все предпосылки для создания полной и подлинно научной биографии Пушкина.

К числу таких предпосылок, в первую очередь, относятся завершающаяся в настоящее время работа по составлению исчерпывающе полной, в границах дошедших до нас материа-

¹ Там же, стр. 391, 392.

² П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина, изд. 3-е, М.—Л., 1928, стр. 407.

³ Там же, стр. 327.

⁴ Там же, стр. 350.

лов, «Летописи жизни и творчества Пушкина» и уже законченная, в связи с изданием академического юбилейного Полного собрания сочинений Пушкина, работа по определению, прочтению и опубликованию всего корпуса дошедшего до нас рукописного наследия великого поэта.

Создание полной научной биографии Пушкина — безотлагательный долг нашего литературоведения перед советской культурой.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ
ПЕРВОЙ и ВТОРОЙ
ВСЕСОЮЗНЫХ
ПУШКИНСКИХ
КОНФЕРЕНЦИЙ

25-27 АПРЕЛЯ 1949 Г.
и
6-8 ИЮНЯ 1950 Г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
1952